

А. М. ПАНЧЕНКО

О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв.

Для XVII в., как эпохи переходной, трудно выделить преобладающее литературное течение или жанровую группу. В эту пору сосуществовало несколько литературных потоков, которые соприкасались лишь изредка. Культурная многослойность определяла и различные писательские типы. Я хочу сказать о том из них, который оказался перспективным и, претерпев изменения, порою принципиальные, сохранил господствующее положение и в XVIII в. Это тип поэта-профессионала, репрезентированный Симеоном Полоцким, затем Сильвестром Медведевым, Карионом Истоминым, Мардарием Хониковым, Дмитрием Ростовским, новгородским митрополитом Иовом, макарьевским архимандритом Тихоном, Стефаном Яворским, отчасти Андреем Белобоцким, Федором Поликарповым и братьями Денисовыми.

Никогда прежде в русской культурной жизни не являлась группа интеллигенции, связанная столь тесными личными отношениями. Медведев был любимым учеником, душеприказчиком и наследником Симеона, жил с ним в ближайшем соседстве в Заиконоспасском монастыре, редактировал его сочинения. Карион, бывший с Медведевым в свойстве, его соавтор по известным «Запискам о стрелецком бунте», поддерживал неизменно дружеские отношения с Дмитрием Ростовским и Стефаном Яворским, вместе с Медведевым, Мардарием Хониковым и Поликарповым служил в Книжной справе московского Печатного двора.

В бурную эпоху стрелецких мятежей, антагонизма между Софьей и Нарышкиными, брожения и бунтов при Петре I людям трудно было остаться нейтральными. Медведев, земляк и приятель Ф. Л. Шакловитого, фактум Софьи и В. В. Голицына, сложил голову на плахе. «Пестрый» Карион за связи с партией Милославских тоже мог угодить в 1689 г. в Троице-Сергиеву лавру, где Борис Голицын, Лев Нарышкин и Тихон Стрешнев чинили розыск. Он спасся только потому, что был близок к патриарху Иоакиму, еще раньше доносил ему на «дядюшку Селиверста», а во время розыска прямо его предал. Сам Медведев, впрочем, восемью годами ранее в своем доносе на Андрея Белобоцкого, поданном через Павла Негребецкого, обвинял в еретичестве и требовал сурово покарать этого поляка (он приехал в Россию в феврале 1681 г.), своего конкурента по руководству академией, которую собирались создать в Москве и которая в конце концов оказалась в руках братьев Лихудов.

Высшему иерарху русской церкви Стефану Яворскому, произнесшему 17 марта 1712 г. поучение «О хранении заповедей господних», в котором царевич Алексей объявлялся «единой надеждой» России, Петр I на три года запретил публичную проповедь. За несколько месяцев до смерти, ле-

том 1722 г., больного Стефана на дому допрашивали Сенат и формально подчиненный ему Синод по делу еретика Левина, утверждавшего, что Петр — антихрист. Стефану грозило лишение сана, может быть, и казнь. Его заместитель и непримиримый враг Феофан Прокопович, типичный петровский делец, нувориш и эпикуреец, талантливый, энергичный, неразборчивый в средствах, едва уцелел при Петре II. Ему грозила судьба Меншикова, и только помощь Анне Иоанновне против «верховников» снова дала в руки власть.

Невзгоды, выпавшие на долю тогдашнего писательского круга, требуют некоторых пояснений. Это был и круг придворных — либо царских, либо патриарших. Симеон Полоцкий исправлял должность учителя детей Алексея Михайловича. После смерти Симеона Медведев сохранял расположение Федора Алексеевича и Софьи. Карион также пользовался милостями последней, при патриархах Иоакиме и Адриане был чем-то вроде секретаря, писал буквари для царевича Алексея. Стефан Яворский, посвященный в 1700 г. в сан митрополита рязанского и муромского, вскоре стал местоблюстителем патриаршего престола и президентом Синода. Св. Дмитрий занимал ростовскую митрополичью кафедру, Иов — новгородскую; Федор Полкарпов сумел снискать приязнь Петра, а Феофан Прокопович был его любимцем.

Впрочем, близость к власти, как правило, объяснялась не стремлением сделать придворную карьеру. Современники этого понять не могли и, наблюдая «сикилийский огонь» спора о пресуществлении святых даров, в котором столкнулись Иоаким и западник Медведев, решили, что последний ищет патриаршего престола. Между тем вопрос о внелитературной деятельности Медведев решал так же, как его учитель Симеон Полоцкий, как Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский, как Карион Истомир. Хотя Симеон Полоцкий не только принимал гонорары — царские пожалования за писанные по случаю тезоименитств, двенадцатых праздников и т. п. «приветства», но и не стеснялся напоминать о неуплате Алексею Михайловичу, впрочем всегда щедрому к своему любимцу, хотя деньги за то же охотно брали и Сильвестр, и Карион, — все-таки в ту пору никто и не помышлял, что можно прожить на этот нерегулярный и неопределенный заработок.

Все профессионалы, о которых идет речь, вышли из низов. Ни вотчин, ни поместий у них не было. Сильвестр начал службу в приказе Тайных дел — личной канцелярии царя, ведавшей, помимо Думы, секретной его перепиской. Медведева и поместили в Заиконоспасскую школу для усовершенствования в языках — без них трудно было вести «тайные дела». Подьячие приказа направлялись в качестве «царского ока» в походы и посольства. По свидетельству Григория Котошихина, послы и воеводы всячески перед ними заискивали. Какую карьеру мог сделать подьячий приказа, видно на примере Ф. А. Шакловитого. Не говорю о 1689 г. — ни сам Ф. А. Шакловитый, ни кто-либо другой такого конца после блистательного взлета не мог предвидеть. Конечно, Ф. А. Шакловитый — исключение, однако начало служебного пути Медведева сулило если не спокойное, то безбедное существование. Уже после учебы в Заиконоспасском монастыре Сильвестр успешно продолжал службу. Он, в частности, стажировался при А. Л. Ордине-Нащокине при заключении Андрусовского мира. Тем не менее он предпочел монашество. Монахами были Симеон, Карион, Хоников, Яворский, св. Дмитрий, Иов, Феофан Прокопович. Но они с этого, так сказать, начали, поэтому нам нелегко в каждом случае установить причины ухода от мира. А Сильвестр долго колебался, прежде чем надеть клобук.

Дело в том, что его учитель Симеон Полоцкий считал монашество непременным условием литературной деятельности:

... Не будет мощно с книгами сидети, —
удалит от них жена, удалят и дети.
Ей, неудобно книги довольно читати
и хотение жены в доме исполняти.

Для него бессемейное одиночество (известно, что друзья отговорили от женитьбы и Кариона Истомина) было если не определяющим, то все же важным свойством писателя-профессионала. Это был один из непременных ингредиентов писательского типа — типа человека, которому не нужно думать о насущном хлебе, который может без оглядки отдаться просветительской деятельности.

Поэтому Сильвестр Медведев внял совету учителя и 14 марта 1672 г. прибыл в Молченскую Путивльскую пустынь, где спустя два года постригся, став из Сеньки Сильвестром (после победы Нарышкиных ему, пытанному на дыбе, битому кнутом и расстриженному, пришлось пережить обратную метаморфозу). Вообще у профессионалов конца века заметно некоторое стремление к «духовной тишине». Андрей Белобочкий по приезде приобрел покровительство П. М. Апраксина, брата царицы Марфы Матвеевны (жена, а с 1682 г. вдова царя Федора), который в 1686 г. стал стольником Петра, потом окольным, боярином, с 1715 г. графом, сенатором и президентом Юстиц-коллегии. Но донос Медведева—Негребецкого, неудачный публичный диспут с Лихудами, очевидно, убедили Белобочкого, что Москва — мало подходящее для него место. Женившись на дочери попа Предтеченской церкви под Новодевичьим монастырем, он оставил честолюбивые замыслы. Будучи причислен 12 января 1686 г. к посольству Ф. А. Головина в Китай, он хотел уклониться от поездки и несколько дней — в то время как дома у него устроили «мышеловку» — прятался у тещи, вдовой попадья Екатерины. Уже 16 января, правда, он явился в Посольский приказ. Тяготившийся двусмысленным положением Стефан Яворский упорно подумывал о схиме, так что глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, племянник покойного Иоакима, в 1710 г. посылал к нему нарочного отговорить от этого намерения, а всему клиру прямо запретил постригать Стефана, который два года спустя снова просил у Петра позволения схимиться. Покой, необходимый для литературных занятий, больше всего ценил и автор «Миней Четых».

Я уверен, что эти стремления были вполне искренними. Добровольная близость ко двору не дает повода в них усомниться. Сама научно-литературная программа профессионалов породила неразрешимое противоречие между стремлением удалиться от мирской суеты и борьбой за «свободу рук» при дворе. Для Симеона и его последователей Московское государство было страной, где «в простоте богу угождают», не зная и поэтому не ценя «грамматических и риторических хитростей». В смысле культуры Россия представлялась им глухой провинцией. К сожалению, им не дано было понять, что с европоцентристских позиций их собственное просветительство было тоже провинциальным — украинно-польская барочная эстетика, «новая» наука, сосредоточившаяся на исторических анекдотах, богословие — ортодоксальным, хотя и с наносными латинскими элементами и забвением некоторых православных этических достижений. С другой стороны, их бы поразила сегодняшняя высокая оценка прозы Аввакума, «Горя-Злочастия» и демократической сатиры: эти самые выдающиеся памятники XVII в. стояли для них за рамками литературы.

Та группа писателей, о которой идет речь, ставила перед собой задачу создания новой культуры. Отсюда их энциклопедизм и плодовитость. Симеон Полоцкий выступал как богослов-полемист («Жезл правления»), как проповедник («Обед душевный» и «Вечеря душевная»), как драматург и переводчик. По подсчетам И. П. Еремина, его колоссальное поэтическое наследие достигает 50 000 стихотворных строк, причем в последнее время отыскиваются новые тексты. «Вертоград многоцветный» по композиции — тот же энциклопедический словарь, где стихотворения расположены по алфавиту, причем автор не заботился ни о жанровом, ни о тематическом единстве: он искал «многоцветия», хотел сгруппировать информацию, которой должен владеть просвещенный человек. Сильвестр Медведев, умерший, как и его учитель, на 51-м году, оставил меньшее литературное наследство. Он начал писать довольно поздно, прекратил же свои занятия года за два до «главосечения», еще прежде заключения «в твердое хранило» Троице-Сергиевой лавры. Патриарх безусловно запретил читать и распространять его сочинения, и все же до нас дошло — в современном пересчете — несколько томов, принадлежащих Медведеву — поэту, богослову, историку, не говоря о его переводческой и редакторско-издательской деятельности. Поражает продуктивность Кариона Истомина, Дмитрия Ростовского, Андрея Белобожского и др. Симеон, по словам Медведева, каждый день заполнял «в полдесть по полутетради» «зело мелко и уписисто».

Эта плодовитость — не графоманство, а следствие установки на тематическую широту. Бесспорно, однако, что в силлабике, которая была призвана в слове оформить новую культуру, поэтический момент учитывался слабо. «Виршеписатели» вслед за Кириллом Транвилионом исповедовали идею, что «сладкая мова под метри» украшает мысль — и ничего больше. Эта идея привела впоследствии к настоящему стихотворному наводнению, от которого «тошнило» Феофана Прокоповича. Из авторов нашей группы только последний да еще, пожалуй, Стефан Яворский сознавали разницу между поэзией и стихотворством. Стефан, который в Киеве был увенчан званием «poeta laureatus», — скорее, впрочем, новолатинский поэт, чем русский. Его блестящая «Элегия к библиотеке», от которой, по мнению Филарета (Гумилевского), не отказался бы и Вергилий, написана по-латыни; ее многочисленные переводы XVIII в. показывают, насколько трудно было тогда создать адекватное художественное переложение.

Чтобы сделать новую культуру доступной, требовался печатный станок. Россия не знала частных типографий; искали содействия у властей, другого выхода не было. Многие из профессиональных писателей служили в Книжной справе, но патриарх, распорядившийся ею, предпочитал почти исключительно богослужебные книги. Симеон Полоцкий добился заведения «верхней» типографии, но всего за два года до кончины. Кое-что печаталось privately за границей, например известные гравюры со стихотворной подписью Медведева, прославляющие Софию. В общем, средства к распространению новой культуры оказались ничтожными, и поэтому сборники, циклы и отдельные стихотворения поэтов-силлабистов часто оставались в одном-двух списках.

Просветители пытались подготовить и восприятие новой культуры, создать в Москве прослойку интеллигенции. Заметим, что все они были педагогами. Симеон Полоцкий, руководивший еще в Полоцке Богоявленской школой, устроил небольшую школу в Заиконоспасском монастыре; старостой в ней был Медведев, возобновивший предприятие своего учителя в 1682 г. В 1686 г. у Медведева было 23 ученика. Андрей Белобожский давал в Москве частные уроки латыни. Число учеников Ростовской школы Дмитрия Туптало простиралось до 200. Карион Истомин сочинял изве-

стные буквари для царевича Алексея Петровича. Митрополит Иов завел училище в Новгороде. Стефан Яворский исполнял должность протектора Московской академии, которая до него оставалась оплотом грекофильской партии.

По недостатку места я не буду характеризовать их педагогические приемы. Замечу лишь, что все они придерживались одной системы, «латинской», — именно той, которая принята была в Киево-Могилянской академии. В ней учились Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, учились и преподавали Стефан Яворский и Феофан Прокопович, лекции которого, может быть, тайком слушал Андрей Денисов, который в свою очередь завел училище у себя на Выге. Медведев усвоил эту систему от Полоцкого, и при этом столь успешно, что французский резидент Невиль в отчете о московских смутах, приготовленном для Людовика XIV, называл его поляком греческого вероисповедания. Укратиофильство Медведева явствует из доноса на Белобоцкого, где в будущие преподаватели Академии намечаются сплошь малороссы, между прочим Иннокентий Монастырский, друг и предшественник Дмитрия Туптало на игуменстве киевского Кирилловского монастыря. Впоследствии Иннокентий горячо поддерживал Медведева в споре о евхаристии, призывая москвичей — согласно барочной моде на этимологии — толковать имя Сильвестр как «sol vester» — «солнце ваше»; грекофилы, напротив, производили имя своего врага от «silva», именуя его «диким, или лешим, медведем». Обязательное владение латынью, польским и отчасти греческим языком, стихотворной техникой и ораторским искусством, углубленное знание всеобщей истории и богословия, библиофильство — таковы неперенные качества писателей-профессионалов рубежа XVII—XVIII вв.

Петр I придерживался других взглядов на культуру. И грекофилы, и западники оказались для него неприемлемыми потому, что они — если пользоваться современным термином — были гуманистами. Петр предпочитал практические науки; он обратился к протестантским странам, где к тому же церковь подчинялась государству. Хотя Россия и не приняла тот путь, который предлагали ей Симеон Полоцкий и его ученики, однако они успели сформировать тип писателя-профессионала, придворного просветителя, многие черты которого видны в Третьяковском, Ломоносове, Державине.